

Жил-был в одной стране разбойник. Нажил он грабежами немалое богатство. Но вот настал его смертный час. Позвал разбойник жену и сказал ей:

— Запомни, когда я помру, все добро раздай беднякам, себе же оставь только саблю, коня и собаку. А как вырастет наш сын, станет крепким да смелым, скажи ему, что отцовская сила была в сабле. Возьмет он саблю булатную — тотчас станет таким же могучим, как я. Исполни все свято, жена... Ну, прощай, умираю.

Сказал так отважный разбойник и отдал богу душу, скончался.

Жена все исполнила в точности. Как похоронила мужа, раздала беднякам на помин души все его богатства, оставила только саблю, коня и собаку — для сына, когда тот вырастет.

Рос, рос паренек — да и вырос. Сравнялось ему восемнадцать. И стал он выспрашивать, в чем таилась отцовская сила.

Мать не посмела открыть ему тайну, боялась, что не сбережет он в такие незрелые годы отцово наследство.

Но сын всякий день приставал к ней с расспросами. Хочешь не хочешь, а пришлось рассказать ему, что отцовская сила таилась в сабле, да еще в коне и собаке.

Как узнал про то разбойничий сын, взял отцовскую саблю, взнуздal боевого коня, оседлал его, свистнул собаку и поехал на главную площадь — людей поглядеть да себя показать.

Давно не бывал на воле могучий конь, рвется вперед, так и взвился бы в небо, кабы не узда. Да и сам паренек не глядит, куда мчится. И сшиб он нечаянно царского сына. Тут же, на месте, царевич и умер. Закричали царские слуги, всполошился народ — кутерьма поднялась превеликая, бросились все ловить разбойничьего сына. Как учуял он беду, пришпорил коня. Серым соколом ринулся конь вдоль по улице. Слуги все рассказали царю, снарядил он погоню — да поздно: разбойничий сын был уже далеко.

Несколько дней мчался он без оглядки, а когда страх помаленьку утих, придержал коня, стал

раздумывать, как ему быть, что делать: вернуться домой или дальше скакать куда глаза глядят. Не знал он еще, что отцовскою саблей мог бы все царское войско перебить, если б вздумали с ним потягаться, — побоялся вернуться, решил ехать вперед, поискать какой-нибудь город большой и там поселиться.

Ехал он, ехал — дней этак пять или шесть — и увидел вдруг в чистом поле громадную башню, всю из хрустала. Ох, и блестела та башня под солнцем! Подивился разбойничий сын на чудесную башню и решил разузнать, что в ней сокрыто. Подъехал к башне поближе, осмотрел ее всю вокруг — где же двери? Искал, искал, — как будто и нет нигде ни входа, ни выхода, — так искусно они были спрятаны. Заглянул парень внутрь через стекла — и что же он видит? Сидит в башне красавица, Дунья Гюзели.

Знала девушка о своей красоте, потому-то и в башне затворилась: все ждала, — вот придет к ней первейший храбрец и сокрушит все преграды великим геройством.

— Отвори, красавица! — попросил сын разбойника. — Отвори, я войду!

Но ответила девушка так:

Только храброму витязю впору

Сбить замки, поломать все затворы.

Робким нет в эту башню дороги.

Если храбр — так войди без подмоги.

Если б робкого я ожидала,

Я б сидеть в этой башне не стала!

Услыхал эти речи сын разбойника, выхватил саблю из ножен, разогнал ретивого коня и ударил по башне с налету. Зазвенели хрустальные стены, распахнулись ворота, и влетел удалец на коне прямо в терем к девице.

Увидела Дунья Гюзели, какой храбрец да красавец предстал перед нею, — догадалась с первого взгляда, что он ее суженый. Обняла его, поцеловала, взяла за руку, отвела в свою спальню, и стали они мужем и женою.

Время шло. Как-то раз отправилась Дунья Гюзели в баню. Честь честью помылась, оделась, а как вышла на улицу да перешагнула через канаву водосточную, сорвалась у нее с ноги узорчатая туфелька и упала в ручей. Слуги бросились вслед, да не поймали, — вода быстро текла!

Уплыла туфелька далеко-далеко, и выбросило ее на зеленую лужайку. Проходили мимо царские слуги, увидели красивую туфельку, подивились чудесным узорам: вся-то она расшита жемчугом да самоцветами! Прочитали и имя хозяйки, шелком да бисером вышитое.

— Ну и туфелька! — молвили царские слуги. — Не иначе как красавица ее носила. Ведь недаром назвали ее Дуньей Гюзели, что значит — «Красавица мира». Отнесем-ка находку царю, пусть посмотрит. Может, и награду большую получим.

Так и сделали. Посмотрел царь на туфельку, подивился чудесной вышивке, а больше всего понравилось ему имя хозяйки. Наградил он своих слуг за находку, обещал еще больше, если найдут Дунью Гюзели да во дворец ее приведут.

И отправились царские слуги разыскивать Дунью Гюзели по всем селам и всем городам. Спрашивали встречных и поперечных — не знают ли, где живет красавица. А ведь недаром говорится: «Язык доведет до Стамбула». Попался им такой человек, что указал дорогу к

хрустальной башне. Вот пришли туда слуги, сказали красавице:

— Хочет царь немедленно взять тебя в жены.

Польстили те речи Дунье Гюзели, а все же она отвечала:

— Вот, выпейте, слуги, по чарке, да и ступайте с богом обратно. И пуще всего старайтесь, чтоб муж мой не узнал, с чем вы ко мне приходили, не то несдобровать вам.

Услыхали царицы посланцы такие слова, головы повесили, вернулись к царю и передали ответ.

Рассердился царь и говорит:

— Возьмите немедленно войско в пятьсот человек, добудьте красавицу силой.

Отобрали пятьсот человек из царевых полков и снова двинулись к башне.

Увидела Дунья Гюзели войско, кликнула мужа и просит:

— Запри ворота покрепче.

— Не бойся, красавица женушка, не пугайся! — ответил ей муж. — Покуда я жив, мне и три таких войска не страшны. Сейчас ты увидишь, как я с ними расправлюсь.

Лишь только солдаты приблизились к башне, он выехал к ним на коне, с саблей наголо.

— Э-гей! Ты, что ли, муж красавицы Дуньи Гюзели?

— Я самый, — ответил разбойничий сын. — Что вам нужно?

— Жену твою нужно, — сказали солдаты. — К царю ее повезем. Отдай, если хочешь остаться в живых, напрямик говорим.

— И жены не отдам, и плохого вы мне ничего сделать не можете. Убирайтесь немедленно, если вам жизнь дорога.

Ну, конечно, солдаты взялись за оружие. Да только не знали они, что за сила таится в заветной сабле. Пришпорил парень коня, взмахнул отцовской саблей и единым ударом срубил врагам головы. Лишь кое-кого оставил в живых — чтоб было кому рассказать царю о сражении.

Ну что ж, побежали солдаты к царю. Тотчас снарядил он второе такое же войско. Но муж красавицы Дуньи и второе войско порубил. И несколько раз посылал еще царь отборных солдат к хрустальной башне — конец всегда был одинаков. Никак не удавалось царю захватить Дунью Гюзели.

Но вот наконец отыскал он лиходейку-старуху и приказал ей добыть красавицу хитростью.

— Ну что ж, я добуду, — ответила бабка. — Только вели ты сделать кибитку из шелка на двух человек — такую, чтоб по небу летала, свезла бы меня к Дунье Гюзели, а потом к тебе нас доставила. Тогда и выйдет твое дело.

Уж очень хотелось царю добыть себе в жены красавицу. Построили старухе кибитку, пустили ее в поднебесье. Добралась бабка до места, кибитку в кустарнике спрятала, сама пешком пошла к жилищу красавицы и попросилась переночевать, а то, мол, она из далеких краев возвращается и, на беду, заблудилась.

Услышала Дунья Гюзели ту слезную просьбу, и жалко ей стало старуху; пустила ее в свой дворец, напоила ее, накормила. А тут как раз и муж возвратился. Взглянул на старуху и очень обрадовался: пусть, мол, и вовсе останется, коли захочет, а то Дунья Гюзели проводит весь день одна-одинешенька.

. — Сам бог привел тебя к нам, бабушка. Захочешь — так оставайся у нас вместо матери, заботиться будем о тебе, как о родной.

— Ах, сыночек! Неужто пригреешь старуху? Добрая ж душа у тебя! Останусь! От добра добра разве ищут?

— Ну, дай тебе бог здоровья, бабушка.

Чего захотела старуха, того и добилась: стала вором домашним. Встанет спозаранку, день-деньской вынюхивает, высматривает, в чем таится великая сила хозяина. И жену подстрекала разузнать, расспросить мужа.

— Уж какая ты счастливая, дочка! Муж у тебя — богатырь! Узнать бы, милая, в чем его удаль! Спросила бы ты, доченька, как-нибудь вечером, в чем его молодецкая сила!

— А что же, бабуся, и правда спрошу, — отвечает Дунья Гюзели.

И верно, спросила его в тот же вечер.

— Да разве не знаешь, красавица женушка, в чем моя сила?

— Не знаю, — откуда ж мне знать, если ты, господин мой, о том ни слова не говорил!

— Так знай, моя сила — в той сабле, что досталась мне от отца... И в коне, и в собаке... Но в сабле — больше всего. Как саблю сниму, я больным становлюсь, и тут уж ребенок меня одолеет. Вот видишь, женушка, в чем моя сила?

Так и узнала Дунья Гюзели, в чем сила супруга, да хитрой старухе про то и рассказала.

«А мне только того и нужно было, красавица, — подумала лиходейка. — Теперь исполню свое обещанье царю».

И стала она сторожить, как бы выкрасть хозяйскую саблю да спрятать. А ведь не зря говорится: «И вода спит, один черт не дремлет». Улучила злодейка минуту, сняла ночью порой саблю с гвоздя да кинула в глубокий бассейн. Молодец тотчас заболел.

— А ты не тревожься, дочурочка, — сказала старуха Дунье Гюзели. — Уж если я здесь, значит, горе избудем. Не горюй, не кручинься, пойдем лучше в лес, поищем целебных трав. Попоим болящего отваром травяным натошак три денечка — всю хворь как рукой снимет.

Пошла красавица вдвоем со старухой иудой в лес искать целебных трав, а подлая бабка быстрехонько к самой кибитке ее приманила, тайком для отлета кибитку наладила и стала уговаривать Дунью Гюзели войти посмотреть: что, мол, за штуку они отыскали — из земли, что ли, выросла иль с неба свалилась? Вошла первой бабка, вошла за ней Дунья Гюзели — кибитка тотчас и взвилась.

Беда! Поняла тут Дунья Гюзели, что бабка ее обманула, сперва испугалась ужасно: не ведьма ли бабка или, может, какая русалка?

Плачет красавица:

— Несчастливая я! Да что же со мной теперь будет! Зачем ты так сделала, бабка? Что видела ты от меня плохого? Зачем подняла ты меня в облака и несешь неведомо куда!

— Не бойся, дочурочка! — молвила бабка. — Я тебе зла не желаю. Царицей хочу тебя сделать, в царских палатах жить станешь, а не в дикой пустыне. Правду говорю, не бойся.

Летела, летела кибитка, до царского дворца долетела. Спустились на землю, и повела бабка Дунью Гюзели к царю. Как увидел ее царь, обомлел, сердце так и заколотилось: уж очень приглянулась

ему красавица. Да только вот Дунье Гюзели он не понравился: и старый, и больно невзрачен. Смотрит она на него, и будто враг лютый перед нею, а не царь в раззолоченном платье, в короне да со скипетром в руке. Но хоть не по сердцу он, а теперь уж ничего не поделаешь. У силы нет правды!

— Ну вот, красавица, видишь? Хоть твой муж и побил у меня много войска, а все же попалась ты мне в руки! Сейчас обвенчаемся, станешь царицей.

— Знать, такая уж моя судьба, — отвечала красавица. — Пойду за тебя замуж... Только ты, царь, сначала устрой, как положено, оглашение сорокадневное и всем повели, чтобы шли во дворец меня чествовать да красотой моей любоваться. И вот что еще скажу тебе: знаю я дивное средство, могу превратить тебя, царь, в молодого. Как станет тебе двадцать пять, тогда и обвенчаемся. Ладно?

Выслушал царь ее речи, на все согласился, назначил день свадьбы и стал ожидать, что опять станет молодым. А Дунья Гюзели нарочно хитрила, чтоб выиграть время, надеялась — муж-то разузнает, придет и избавит ее от несчастья.

А что ж он делает, бедный парень, больной, одинокий?

Заржал его конь, пес залаял — оба есть запросили. А парень и встать не может. Понял он тогда, что это — старухины козни. Говорит он:

— Послушай-ка, пес, друг мой верный, поищи, где спрятала чертова бабка заветную саблю, а то ведь, пожалуй, я так и умру безвременно.

Услышал слова его пес, пожалел хозяина и бросился саблю разыскивать. Искал, искал — нет нигде. Прибежал наконец к бассейну, увидел саблю на дне, нырнул один раз, другой раз и третий — никак не достанет. Много раз прыгал он в воду — схватил-таки саблю, принес своему господину. Тот взял ее в руки и тотчас поправился. Накормил он коня и собаку — и в путь: помчался искать свою супругу по всему государству, из города в город, из деревни в деревню. А как доскакал до столицы да услышал про царскую свадьбу, сразу угадал, кто царева невеста, узнал и о том, что вскорости царь станет совсем молодым, двадцатипятилетним, да тут же и женится. Вмиг понял тогда юнак, чьи все это затеи, не стал тратить времени даром, отправился на окраину города к знакомой старухе, дал ей кучу денег и велел сшить побыстрее три платья — для нее и для двух ее дочерей, пусть оденутся понаряднее и пойдут поглядеть на цареву невесту да честь ей воздать, как предписано царским указом.

Старуха живо позвала искусного портного. Через два дня все платья были готовы. Тотчас нарядились и бабка и дочери и пошли вместе с парнем в царские хоромы, поглядеть на невесту. Пришли они к ней. Красавица сразу мужа признала и повела его в другую палату, где мужчины пировали, да по дороге и спрятала в своей опочивальне — в просторной закрытой нише. Женщин же она всласть угостила и домой отправила, — сказала, что парень попозже придет, вслед за ними.

А было то накануне сорокового дня. Все ждали его с нетерпением: всем хотелось взглянуть, как царь чудом преобразится и вдруг помолодеет.

Настал вечер тридцать девятого дня. Пришел старый царь в полутемную спальню, чтобы лечь рядом с Дуньей Гюзели и стать молодым. А дверцы ниши распахнулись, выскочил оттуда разбойничий сын, взмахнул своей саблей и снес царю голову. Спрятали мертвого в потаенное место, а утром вышла Дунья Гюзели к народу, а рядом с нею предстал красивый и молодой царь двадцати пяти лет.

Изумился народ великому чуду. А Дунья Гюзели и муж ее, сын-то разбойника, царем и царицею сделались в этой стране.

Вот так-то: не рой другому яму, сам в нее попадешь.

